

НИКЛАС ЛУМАН

ФОРМЫ ПОМОЩИ В ПРОЦЕССЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ

I. Уравнивание потребностей как проблема

Под “помощью” следует понимать прежде всего вклад в удовлетворение потребностей другого человека. Более четкое ограничение понятия зависит от контекста и цели исследования. Социологическое исследование действий по оказанию помощи не может исходить ни из морали, ни из психологии. Оно не стремится обосновывать, должен ли один человек помогать другому (и если да, то при каких условиях), и не пытается объяснять мотивы помощи, обращаясь к психическим структурам обработки впечатлений. Мы исходим из того, что помощь может быть оказана только тогда, когда она ожидаема и только в той мере, в какой она ожидаема [1].

Подобное утверждение может показаться странным. Исходя из определенных культурных традиций, мы привыкли связывать с представлением о помощи нечто добровольное, спонтанное, нечто даримое и неожиданное. Однако такие ассоциации сами являются выражением определенного состояния общества и поэтому относительны. Для начала нужно исходить из того, что только ожидаемое действие может быть элементом социального взаимодействия, быть в нем понятным и вызывать соответствующую реакцию. “Помощь” ли это, если кто-то посылает профессору книгу? Если полицейские остановили свою машину с включенными фарами перед автомобилем, у которого лопнуло колесо, и наблюдают за его заменой? Если экзаменатор задает студенту все более и более легкие вопросы или если начальник приглашает своего ближайшего сотрудника на кружку пива? Абстрактно судить об этом трудно. Все зависит от того, как определяют ситуацию сами ее участники, а также от их ожиданий в отношении действий, мотивов и ожиданий противоположной стороны.

Помощь определяется и регулируется структурами взаимных ожиданий. Для этого необходимо наличие определенных культурных типов и предварительного взаимопонимания. Благодаря им участники либо могут понять друг друга, либо нет. Определение ситуации состоит в том, чтобы использовать такие типы или отвергнуть; оно происходит путем допущения, предложения и принятия, изменения, уклонения или отклонения типичных ожиданий. Неоказание помощи в ситуациях, в которых ее можно было бы ожидать, также объясняется тем, что из присутствующих никто конкретно ее не ожидал, либо тем, что тот, кто был способен помочь, ожидал, что никто его помощь не

Перевод выполнен по изданию: *Luhmann N. Formen des Helfens im Wandel gesellschaftlicher Bedingungen // Luhmann N. Soziologische Aufklärung 2. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft, 4 Auflage, Opladen 1991. S. 134-149. © 1975 Westdeutscher Verlag GmbH, Opladen.*

Перевод кандидата социологических наук Д.В. Озирченко, кандидата философских наук А.Н. Малинкина

ожидает [2]. Поэтому социологический вопрос о функции и целесообразности помощи в социальных системах следует рассматривать как многослойный: с одной стороны, он связан с наличием круга конкретных типов ожиданий для определения ситуаций (что включает более или менее ясное представление обеих сторон о направленности последующих действий), с другой – с фактическими ситуациями, в которых подобные типы могут быть применены.

Эта концепция оставляет совершенно открытым вопрос о том, как понимается помощь в различных обществах, каким образом она институционализируется и оказывается. Более узкое понятие ограничило бы – ввиду многообразия проявлений – доступ к важным фактам и возможности их сравнения. Но несмотря на это многообразие можно все-таки предположить, что в основе всех видов помощи лежит одна общая проблема, и что многообразие форм помощи, открытое сравнительными историческими и этнологическими исследованиями, объясняется тем, что эту проблему приходится решать в чрезвычайно разных условиях. Взаимопомощь среди людей всегда связана с проблемой уравнивания потребностей и возможностей их удовлетворения во времени. Но не все действия и учреждения, имеющие отношение к этой проблеме, будут квалифицированы, пережиты, институционализированы как помощь. Что в каждом конкретном случае означает помощь и какие формы она принимает – форму морального требования, общественного института, организмом программы или просто естественного поступка, – зависит от того, в контексте каких общественных устоев решается общая проблема временного уравнивания потребностей.

В принципе можно констатировать, что проблема уравнивания потребностей во времени не является чисто временной проблемой; она возникает лишь вследствие того, что множество живущих вместе людей испытывает множество потребностей. Со структурной и эволюционной точек зрения, в этом факте важно то, что каждый отдельный человек тоже испытывает предметно разные потребности, поэтому многообразие потребностей не совпадает со множеством личностей. Следует различать социальное и предметное измерения – то есть, “чья” эта потребность и “что” это за потребность. Отсюда возникают и сама проблема уравнивания потребностей во времени, и возможность ее решения. При такой структуре не приходится рассчитывать на то, что *одни и те же* потребности *всех* людей станут насущными в *одно и то же время*. Скорее, когда один человек голоден, другой хочет отремонтировать свой дом, выдать замуж дочь, повысить престиж или навредить врагам. Лишь такое различие социального и предметного измерений создает то напряжение, в котором осознаются возможности уравнивания потребностей.

Если бы различия во времени не были преодолимы, то стыковка подающихся уравниванию потребностей оставалась бы, с точки зрения социальной системы, делом случая. Она зависела бы от того, осознаются ли участниками ситуации потребности и возможности их удовлетворения как дополняющие друг друга в одно и то же время. Представить себе такое событие, конечно, можно, но в действительности оно почти невероятно. За время ожидания столь уникального стечения обстоятельств рухнула бы любая со-

циальная система. Иначе говоря, социальные системы не могут строиться на чисто случайной взаимности. Социальная связь в системе требует временно-го измерения. Чтобы повысить шансы установления взаимоотношений и сделать их независимыми от случая, социальные системы должны часть держать потребностей в состоянии ожидания удовлетворения, а возможности удовлетворения растягивать во времени.

Из этих предварительных размышлений следует, что временная ось социальных систем несет на себе координационные проблемы, корни которых – во множестве личностей и многообразии их потребностей. Далее, можно сделать вывод, что требование учитывать фактор времени будет зависеть от этого исходного положения дел и меняться в ходе общественной эволюции по мере того, как – в силу тех или иных исторических причин – число координируемых личностей и потребностей будет увеличиваться, а комплексность общественной системы возрастать. Действительно, этнологические и исторические исследования говорят о том, что представления о времени меняются вместе со структурой общества. Например, правовые формы обязательств на будущее впервые были выработаны лишь в высокоразвитых культурах античности и процесс их выработки шел очень медленно [3], а гипотеза о будущем, принципиально открытом для других возможностей, появилась лишь в Новое время [4]. В этом контексте мы и ставим вопрос о функциях помощи в процессе изменения общественных условий.

II. Функциональные изменения в ходе общественной эволюции.

Для общего представления достаточно различать три типа обществ, сменяющих друг друга в ходе общественной эволюции.

Архаические общества – малоразвитые общества, дифференцированные на равные единства-сегменты по принципу родства или совместного проживания. Это системы малой комплексности с разделением труда главным образом на основе половых и возрастных ролей. В них либо вовсе нет политического господства, либо оно только формируется.

Общества высокой культуры – более крупные и комплексные общества, в некоторых отношениях им уже знакомо функциональное разделение, прежде всего особые ролевые системы в сферах религии и политического господства, возникающие из архаического родового порядка. Для них характерны города, где по большей части произошло экономическое разделение труда. Иногда они образуют огромные империи. В них уже есть ярко выраженное разделение социальных слоев, и часть населения, по крайней мере правящие круги, ориентируются на генерализованные символические структуры космически-религиозной веры.

Современное общество – общество, постепенно охватывающее весь населенный мир в одну гигантскую социальную систему. Структурно, оно в значительной степени основано на функциональном разделении, прежде всего таких областей, как политика, экономика, научное исследование и интимная сфера семьи. Этим достигаются возможности абстрагирования, с помощью которых оно может индустриально-технически перестроить свои отношения с естественной окружающей средой, добившись более высокого уровня относительной независимости. Оно создает уже необозримое во всей сво-

ей полноте и неподвластное центральному контролю многообразие возможностей переживаний и действий, ускоряющих общественные изменения в дотоле неведомых истории масштабах.

Если верны наши исходные гипотезы о том, что заметные изменения в величине и комплексности общественной системы меняют ее временные горизонты и что социальные институты помощи связаны с временным уравниванием потребностей и возможностей их удовлетворения, то следует ожидать, что указанные выше типы обществ придают взаимной помощи различное значение в зависимости от того, насколько временное уравнивание потребностей может быть осуществлено в форме помощи и таким образом мотивировано. В трех кратких рассуждениях мы попытаемся показать, что это действительно так.

1. *Архаические общества: Растяжимость благодарности.* В архаических обществах мы встречаем условия, придающие взаимной помощи как социальному институту и нормативной обязанности чрезвычайно важное значение. Жизнь вращается вокруг удовлетворения относительно небольшого числа известных всем основных потребностей. Ситуации и возможные беды всем хорошо известны, все друг друга знают. Как подтверждают современные социально-психологические исследования [5], это облегчает оказание помощи. Набор действий в оказании помощи ограничен и также хорошо известен. Опасности, исходящие от окружающей среды, напротив, велики и для общества случайны. Поэтому потребности и возможности действий как внутреннее дело общества предвидимы – в отличие от перемен в окружающей среде, меняющих ситуации с потребностями. Кроме того, у общества мало времени, ибо его основные потребности находятся под непосредственной и непредсказуемой угрозой со стороны окружающей среды. В таком положении общественная система требует и делает возможной как бы малоформатную институционализацию фактора времени – создание социального института личной взаимопомощи между членами рода.

Это положение подобно тому, что было описано в начале нашей статьи: множество личностей испытывает множество потребностей, которые актуализируются у каждого отдельного человека в разные моменты времени. Проблема заключается в том, чтобы уравнивать их во времени, за счет чего могли бы быть расширены внутриобщественные возможности установления взаимоотношений и создана система, более способная к самосохранению в окружающей ее среде. Поэтому неудивительно, что создание социального института устойчивой во времени взаимности становится ядром морально-правовой структуры общества: она тесно связана с магически-религиозными представлениями, являющимися по сути функциональным эквивалентом предвидения. Формы, в которых оказание помощи становится социальным институтом и увязывается с прочими структурными требованиями в отдельных обществах, весьма разнообразны. Архаические общества представляют собой огромное экспериментальное поле общественной эволюции, где для ограниченного числа структурных проблем независимо друг от друга вырабатываются, как бы в виде пробы, самые различные функционально эквивалентные решения [6]. Тем не менее, кристаллизуются определенные типы

таких форм, равно как и сравнимость вытекающих из них проблем, поскольку лишь немногие из этих решений могут быть стабилизированы.

Взаимная помощь играет в формировании архаических социальных институтов исключительно важную роль. С генетической точки зрения, она обладает большим преимуществом, ибо способна реализовываться практически не имея институциональных предпосылок и затем закрепляться по “принципу малых дел” [7]. Если иметь в виду такой способ ее происхождения, то не удивит и второй важный момент: в архаических обществах нет осознанной институционализации взаимности как таковой, как формы связи “услуга за услугу” – по типу договора [8]. Мы встречаем институционализацию обязанности помогать либо отдавать излишки, существующую независимо от институционализации обязанности благодарить [9]. Помощь в удовлетворении потребностей рассматривается в соответствующей ситуации как дар и как таковой ожидается. Услугу невозможно объективно оценить или сравнить в отрыве от ситуации и личности помогающего – да это и не нужно. Она оказывается без какого бы то ни было представления о взаимной договоренности, то есть без промежуточного включения мысли о взаимном отношении условий помощи и ответной благодарности. Разумеется, это не исключает того, что мотивы одной услуги переходят на другую. Но само отношение не нуждается в том, чтобы его представляли, узаконивали, подвергали проверке на справедливость – для этого часто нет даже языковых возможностей [10].

Смысл такой на редкость конкретной организации объясняется не только ограниченными возможностями языковых и понятийных средств “примитивных” народов. В данных условиях она в высшей степени целесообразна из-за способности к приспособлению. Помощь в форме обязанности помогать, отдавая излишки, оказывается тогда и только тогда, когда излишки есть. Обязанность отблагодарить остается неопределенной и выполняется с учетом потребностей и условий: она может принять форму ответной экономической услуги, работы, подчинения, выражения почтения, содействия в борьбе либо как-то иначе – то есть может осуществляться через все функциональные сферы общества. Благодаря тому, что побуждение к уравниванию потребностей не имеет конкретных форм выражения (кроме как в случае наличия излишков) и обязанность благодарить тоже никак не конкретизирована, социальный институт помощи приобретает высокую эластичность и малую чувствительность к помехам. Такое регулирование позволяет приспособляться к флуктуациям конкретной насущной потребности, избегать переноса помех в оказании помощи на ответные действия по чисто правовым основаниям и интегрировать все функциональные сферы посредством объединяющей их обязанности к благодарности.

Тем не менее, в такой форме потребность в помощи не может быть удовлетворена полностью, ибо мотивирована особой социальной близостью родного дома, соседей, деревни, племени, рода и этим ограничена. Поэтому в качестве структурного противовеса во многих архаических обществах появляются добровольно устанавливаемые отношения между двумя людьми для оказания друг другу необычной помощи, которые могут принимать оттенок личной дружбы, известной нам по Илиаде [11]. Однако с точки зрения

доминирующих общественных структур, они представляют собой искусственные конструкции, способные выполнять компенсаторную функцию лишь до тех пор, пока необходимое уравнивание потребностей осуществляется только в отдельных сегментах общества.

Слабости архаических структур обнаруживаются и достигают критической массы по мере возрастания сложности общества, когда возникает необходимость координировать большее число личностей с более разнообразными потребностями. Одним из поворотных пунктов дальнейшего развития является то, что институционализированная обязанность отдавать излишки затрудняет накопление капитала [12]: нужно делиться, устраивать праздники, в некоторых случаях тратить личные средства. Все это, конечно, повышает престиж, способствует признанию способности руководить, появлению чувства благодарности, но не обязательно гарантирует обратный приток капитала. Обязанность делиться излишками терпима только до тех пор, пока экономика не позволяет аккумулировать устойчивый во времени капитал.

Другая проблема вытекает из неопределенности обязанности выражать благодарность. Тот, кто принимает помощь, невольно сталкивается с непредсказуемыми ожиданиями того, кто ему эту помощь оказывает. Чем больше возможностей создает общество, тем большей проблемой становится растяжимость благодарности и тем более непредсказуемым становится ее распространение на другие функциональные сферы. Человек, попав в беду, принимает в подарок плащ, а позднее, став императором, сталкивается с требованием предоставить за это наместничество над целым островом [13]. Подобные обязательства приемлемы лишь в малом, когда диапазон ответной благодарности ограничен. Общества большей сложности вынуждены разрабатывать инструменты для уточнения и ограничения обязанности ответной благодарности – например, договорное соглашение.

Общества высокой культуры: эксплуатация благотворителей. Лишь немногие архаические общества, опираясь на способствующие развитию начатки институционализации, двигаются по направлению к высокой культуре [14], которая существенно меняет условия временного уравнивания потребностей и тем самым институционализации помощи. Перемены заключаются, с одной стороны, в резко возрастающем продуктивном разделении труда в сельском хозяйстве, ремесле, торговле и, с другой стороны, в распределении продукта по социальным слоям. Возникающее в результате этого социальное напряжение требует установления политического господства над архаическими родовыми союзами и домами – господства, у которого наготове учреждения и процедуры для разрешения правовых вопросов, которое воспринимает и защищает каждого отдельного человека, по крайней мере в правовых вопросах, как индивидуума. В целях обоснования господства, социального расслоения и индивидуальности возникают генерализованные нормативные представления, сведенные воедино в космически-религиозной морали.

Следствием такого состояния общественной системы становятся необходимость, а также средства и отправные пункты для нового понимания помощи. Благодаря разделению труда и социальному расслоению исчезает существенный элемент мотивации к непосредственной взаимопомощи: обра-

тимность социальных положений. Случаи, когда помогающий помогает потому, что он сам может попасть в положение того, кому он помогает, становятся все более редкими и в структурном плане менее значимыми – не важно, мотивирован ли помогающий надеждой на ответную благодарность или способностью видеть самого себя в положении другого. Мотивация к взаимной услуге отделяется от помощи и стабилизируется в форме договора [15]. С этого момента связь между помощью и благодарностью ослабевает, нуждаясь в праве, но ее полного разрыва не происходит [16]. Право и благотворительность берут на себя разные функции в стабилизации различий в социальном положении [17]. Мотивация к помощи создается теперь окольными путями и передается через культуру. Точки приложения для этого находятся в эволюционных достижениях высокоразвитых культур: в индивидуализации личности и генерализации морали, определяемой религией. Архаическое ролевое требование щедрости возводится в высокую добродетель [18]. Помощь мотивируется теперь индивидуалистической моралью (хотя и не становится, в современном смысле, только внутренним делом субъекта). Она понимается как добрый поступок и направляется сверху вниз, соответственно иерархии социальных слоев [19]. Прототип и разработанную догматику такого понимания помощи мы находим в ключевом слове “милостыня”. С этого начинается вытеснение проблемы на социальную обочину и маргинализации помощи, освобождение помогающего от обязанности помогать. Он должен теперь действовать добровольно, но все-таки – должен [20], ибо одновременно появляются генерализованные религиозные образцы мотивации, к которым нуждающиеся в помощи могут более или менее настойчиво апеллировать. Бедный не только спекулирует на религиозном стремлении богатого к спасению – он прямо обращается к его совести, преграждая ему дорогу и давая возможность совершить добрый поступок [21]. Между тем при всей индивидуализации помощь остается делом общественным – ее требуют, оказывают или отвергают прилюдно, то есть в условиях общественного контроля.

В такой форме, несмотря на разрыв взаимности, помощь оказывается возможной в обществе, разделенном на социальные слои. Взаимность предстает уже не в форме ожидаемой ответной услуги, а лишь в генерализованной форме признания социального положения, особенно разницы в общественном статусе [22]. Генерализация морали подкрепляется генерализованным признанием социальных позиций [23]. Благодаря этому устраняются те неудобства, которые может вызвать распространение обязанностей к помощи и благодарности на все функциональные сферы. Поэтому социально обусловленный порядок помощи (сверху вниз) лучше совместим с функциональным разделением, тем более, что свобода принятия решений в верхах возрастает. Помощь перестает быть механизмом *конституирования* социального статуса, как это имеет место в элементарных социальных взаимодействиях или архаических обществах. Она лишь выражает соответствующий социальному слою статус, является его символом, сословной обязанностью, а в домашне-патримониальных отношениях также попечительской ответственностью. Помощь становится своеобразным обычаем, выполняющим функцию перепускного клапана между различными социальными слоями. До

нас дошла масса преданий о рыцарской щедрости и аристократической заботе о бедных и немощных – документов, имеющих характер образца и призванных воспитывать [24]. Однако вопрос о помощи в более широком социально-политическом смысле, выходящим за пределы отдельных случаев, не ставился.

Один из вариантов такого решения проблемы – классический тип *профессии* [25], например, священника, врача, юриста. Профессии образовались для оказания помощи в необычных ситуациях, прежде всего когда возникал риск для жизни, скажем, в непримиримой ссоре, при появлении страха, угрозе смерти. Они предлагают решения и обеспечивают безопасность посредством специальной технологии обращения с подобными проблемами (причем те, кто эту технологию применяет, сами подвергается не полному риску, но лишь производному профессиональному риску), а кроме того, благодаря особой профессиональной, направленной на помощь морали и высокому социальному престижу, возвышающемуся над жизненными невзгодами, гарантируя в соответствующих ситуациях превосходство, свободу действий и неприкосновенность. Сюда же относится и притязание на то, что помощь якобы не “оплачивается”, а “вознаграждается гонораром” [26], ибо оказывается не из собственных интересов помогающего. Эта характерная для классических профессий комбинация из подходов к проблемам, свобод и обязанностей типична для обществ высокой культуры и служит сегодня лишь красивой вывеской [27].

Общим для всех этих образцов поведения является апелляция к морально генерализованным ценностным основаниям и относительно устоявшемуся разделению общества на слои, чему способствует отделение помощи и ее ожидания от специфически экономических и правовых форм обеспечения будущего. По мере развития экономики все это порождает проблемы, которые, в свою очередь, снова меняют общественно-структурные условия помощи.

В эпоху Нового времени экономика выходит за границы домашнего хозяйства и занимает ведущее положение в обществе. Денежный механизм становится универсальным – в том смысле, что он опосредует практически все возможности удовлетворения потребностей. Забота о будущем может быть теперь сформулирована как забота о деньгах, и в этом смысле все приобретения, включая имущество и образование, “капитализируются” [28]. Капитал – и под этим понимается не “частный капитал”, а платежеспособность вообще – заменяет благодарность как абстрактный функциональный эквивалент. Деньги становятся генерализованным средством помощи. Средневековая практика милостыни вступает в конфликт с экономическими требованиями образования капитала, причем не только с точки зрения финансовых интересов церкви. Начиная с Реформации, милостыня теряет доверие также и с моральной точки зрения [29], вероятно, прежде всего потому, что генерализация денег как средства помощи отвлекает внимание от конкретных потребностей и обращает его на мотивы того, кто эти деньги дает. Теория морали также подчеркивает равенство, взаимность и обратимость помощи и благодарности, отражая тем самым требование накопления капитала в состоятельных кругах. Те, кто к ним принадлежит, не подчиняются, как люди

высокопоставленные и богатые, требованию делиться излишками, а получают возможность в качестве частных лиц делать пожертвования [30]. Бедность рассматривается уже не как “святая бедность”, ниспосланная богом судьба и повод для доброго поступка, а как фактор воспитания и мотив к труду. Аналогичный взгляд, более систематический и соответствующий социальной структуре, утверждается и в отношении помощи бедным [31]. Она становится прерогативой государства и финансируется посредством налогообложения “излишков” [32]. Бóльшая абстрактность денежного капитала (прежде всего независимость его безопасности от личного отношения и соблюдения моральных обязательств) позволяет создать больше комбинаций, и по мере увеличения сложности общества такие комбинационные выигрыши становятся необходимым условием функционирования индустрии, торговли и управления. Кроме того, абстрактность делает возможными и выигрыши во времени: уравнивание потребностей распространяется на большее, в принципе неограниченное время, не зависимое от значимости событий. Удовлетворение потребностей сводится к проблеме распределения денег, механизмы и общественные структуры решения которой оказываются прозрачными и уязвимыми.

Здесь следует учитывать и другую точку зрения: предпосылкой помощи является общезначимая интерпретация бедственных положений и того, какие средства помощи в каких ситуациях должны быть применены, то есть высокая степень согласованности мнений. Тот, кто нуждается в защите, обязан подчиняться указаниям [33], а стало быть конституирует отношение господства; и наоборот, господин, нуждающийся в помощи своих подданных, едва ли может позволить себе пренебречь советом тех, кто ему помогает [34]. Поэтому социальная близость рассматривается в значительной степени как моральное и когнитивное условие осмысленной помощи [35]. Однако в новейшее время увеличение числа возможных потребностей и способов их возможного удовлетворения вкупе с универсальностью денежного механизма подорвали эту предпосылку. Вне сферы интимно-личных отношений вероятность совпадения мнений в конкретной форме “совета и помощи” стала ничтожно малой. Отношения взаимной помощи и благодарности – описанные Адамом Смитом и известные из культа дружбы XVIII в. – приватизируются и сентиментализируются. В таких условиях благотворительность становится завышенным требованием. Ликвидность денег наглядно показывает, что помощь может прийти откуда угодно: всегда найдутся “другие”, у кого денег еще больше. А квантификация денежного платежа делает помощь сравнимой и снижает ее до минимума: всегда найдутся “другие”, кто нуждается еще больше. Абстрактная апелляция к моральной готовности помогать уже не соответствует жизненным ситуациям. Правда, на уровне общества в целом она еще имеет смысл, поскольку исправляет ошибки в планировании и политические просчеты. Но в принципе она сводится к эксплуатации благотворителей. Помощи необходима новая, независимая от индивидуальных решений форма, а именно организация.

3. *Современное общество: устранение проблемных случаев.* Характерной особенностью современного общества является то, что многие функции, которые раньше выполнялись на уровне всего общества, переходят к органи-

зациям (ввиду преимуществ, связанных с функциональным разделением и специализацией услуг). Чтобы понять это смещение функций, следует учитывать, что происходит смена уровней системообразования. Общественные системы и организованные социальные системы формируются по различным принципам, прежде всего на основе различных предпосылок и допущений относительно исходного порядка окружающей их среды [36]. В то время как общественные системы формируются в условиях неведомой, враждебной, чуждой и вообще любой, с физически-органической точки зрения, окружающей среды – создание организаций предполагает весьма упорядоченные отношения. Благодаря этому организации могут добиться почти невероятного: например, в высшей степени одностороннего, долговременно дисциплинированного поведения, меняющегося по сигналу. Таким образом, они делают невероятное ожидаемым. В архаических обществах ожидания помощи и благодарности имели непосредственное отношение к структуре общества, конституировали саму ткань общественной жизни [37]. В обществах высокой культуры помощь основывалась на морально генерализованной, упорядоченной в соответствии с социальными слоями структуре ожиданий, но в своем конкретном исполнении само общество уже не включала. В современном обществе все обстоит иначе. Наше общество не основывается на взаимодействиях, которые можно было бы охарактеризовать как взаимопомощь, но и не интегрируется посредством соответствующих верований. Зато оно формирует окружающую среду, способную создать организованные социальные системы, специализирующиеся на помощи. Благодаря этому помощь становится услугой с недостижимым ранее уровнем гарантированности. Она расширяет горизонт уверенности в завтрашнем дне на неограниченное время в рамках организационных программ, предметное содержание которых может быть конкретно определено. Вместе с тем и общественные изменения влияют на организации, только уже не напрямую, а как перемены в окружающей их среде [38].

Эти перемены тонко чувствовал Георг Зиммель [39], однако он не сумел осмыслить их теоретически и подробно описал как бы в импрессионистском духе. Да, помощь бедным была и остается задачей локальной – но сегодня уже не ради самого локального жизненного сообщества, к которому бедняк принадлежит по божьей воле как призыв и повод для добрых дел, а ввиду коротких информационных путей и возможности быстро выяснить обстоятельства, необходимые для оказания помощи. У современной теории организации есть и другие аргументы. Организация, занимающаяся “социальной работой” (как это сегодня называется), располагает не только *коммуникационными путями*, но также *персоналом и программами*. Персонал и программы суть не что иное, как структуры процесса принятия решений, посредством которых осуществляется управление и приспособление его специфических функций. При этом управление в зависимости от условий может переходить от одной структуры к другой и осуществляться то главным образом через персонал, то главным образом через программы.

“Профессионализация” социальной работы уже не затрагивает проблемы общественной системы, как в случае классических профессий. Референтность системы изменилась и здесь. Во-первых, речь идет о притязаниях на

престиж и заработную плату, реализуемых через членство в организации, и, во-вторых, о формировании соответствующих этим притязаниям структур личности, а именно о мотивации и профессиональном образовании. Последние необходимы для процесса принятия решений, так как им нельзя управлять только через программы принятия решений. Поэтому изменения в системе профессионального образования (а именно ориентация на образование в высшем учебном заведении) всегда двойки: с одной стороны, они касаются притязаний на престиж и зарплату, с другой – предпосылок решений, принимаемых в организованной работе. Аргументом в пользу профессионализации помощи нередко служит мысль о “личной”, по возможности “небюрократизированной” помощи, хотя организационные условия замещения программных предпосылок решений личными не уточняются. К тому же неопределенность программ отчасти компенсируется обучением тому, как следует оказывать помощь в отдельных случаях [40].

Несмотря на требования персонализации и профессионализации, главный акцент в социальной помощи сегодня делается на программы принятия решений, то есть на правила, по которым оценивается верность решений. В общем и целом оптика программ определяет то, что осуществляется и что не осуществляется в социальной работе. Организованная социальная работа руководствуется теми точками зрения, согласно которым ее результат будет принят и оценен позитивно, там же, где таких точек зрения нет, она их формирует. Все это имеет множество следствий, и все их необходимо учитывать, чтобы составить представление о своеобразном стиле организованной социальной помощи.

Важным следствием является то, что теперь при оказании помощи надо принимать *два* решения: одно о программе в целом, другое о конкретном случае в ее реализации. При этом компетенции в принятии решений могут быть распределены по-разному, а программы – частично или полностью основываться на отдельных случаях. Посторонним – тем, кто нуждается в помощи, – программа предлагается в виде готовой структуры: “Вы получите помощь только в том случае, если ...”. Соответственно, нуждающимся в помощи, если они хотят использовать возможности организации, тоже приходится удваивать свой образ действий: они должны пытаться повлиять не только на принятие решения в конкретном случае, но и на принятие решения о программе помощи в целом. Для этого они должны сами организовать или, по крайней мере, делегировать своих влиятельных представителей. Эффективность миссии последних основывается вовсе не на том, что они как люди также нуждаются в помощи. Самим представителям не обязательно быть бедными, слепыми или калеками, они должны ловко действовать в политической и организационной сферах – то есть не испытывать потребность в помощи, а проявлять особые качества и способности. Такая дифференциация окружающей среды является коррелятом внутреннего организационного разделения на программируемые и программирующие решения. Комбинация обеих форм разделения позволяет достичь недоступного для прежних обществ повышения эффективности – правда, лишь в узких рамках того, что может быть организовано и запрограммировано.

Условия организуемости и программируемости, и вообще все то, что составляет специфику организаций и программ, действуют как *факторы отбора*, и усиление их влияния приводит к эффектам *избирательного невнимания* [41]. В той мере, в какой организационная среда определяет горизонт возможного, ее характерные особенности становятся основой жизненного опыта и действия. В этом рамках решение помогать или не помогать – уже не вопрос сердечности, взаимности или морали, а вопрос методического обучения и интерпретации программы, осуществлением которой занимаются в ограниченное рабочее время. Перечень проблем, на какие организация гарантированно реагирует, готовят ее собственные структуры. Выполнение программы мотивируется преимуществами членства в организации; средства на ее реализацию – это по большей части деньги, получаемые оптом. В таких условиях личные мотивы помощи становятся излишними, что приводит к высокой произвольности, управляемости и переменчивости направления в оказании помощи. Отправным пунктом деятельной помощи является уже не картина бедственного положения, а сравнение фактов и программы. Помощь в такой форме может быть надежно стабилизирована.

Организационные условия возможного регулируют даже процессы восприятия. Проблемы будут “увидены” в той мере, в какой уже есть организационная рутина для их решения, или в какой новая рутина может быть присоединена к старой. Разные виды бедственных положений объединяются в однотипные группы “случаев”, чтобы к ним можно было применить одно определенное решение. Творчески активный, но пребывающий в неизвестности художник подпадает под “случай” финансовой поддержки безработных либо социальной помощи безработным, и социальные учреждения мобилизуют всю их доброжелательность и фантазию, чтобы принять решение обращаться с ним, как с безработным, поскольку только с этой точки зрения он вписывается в их программу. Решение о продолжении помощи зависит от того, сохраняется ли видимость, что художник “не работает”, например, от отсутствия у него выставок. Таким образом, проблема принятия решения, стоящая перед организацией, и проблема, заставляющая художника искать помощь, – это не одно и то же.

В частности механизм отбора руководствуется типом программирования. Оно может быть либо целевым программированием, либо программированием условий [42]. Двойственность возможностей программирования также имеет свои следствия. Казалось бы, все просто: помощь – *цель* организованных действий и основание для выбора средств. Однако программирование условий оказания помощи обнаруживает косвенные, но существенные преимущества: возможность технологизирования, упрощение принятия решений, управляемость из центра, контролируемость действий. Программирование условий связано прежде всего с узакониванием притязаний на помощь и принципом равенства правового государства, которые в чисто целевом мышлении были бы только частным случаем. Вот почему помощь часто программируется в такой форме, что всегда, если имеются заранее установленные условия, то гарантируются заранее установленные услуги, соответствующие этим условиям или как-то ими определяемые. Отсюда конфликты с целевым мышлением, более близким к естественному, – ведь оно отражает

требования окружающей среды, а часто обосновывает трудовой эмос и само существование организации [43]. Фактическая работа над решением социальных проблем и их осмысленное переживание нередко вступают в противоречие с действующими правилами. Выходы из этой ситуации будут обусловлены опять-таки внутренними организационными факторами и не понятны тем, кто нуждается в непосредственной помощи.

Дальнейшие контуры этого типа помощи зависят от заранее заданных ему определений проблем. Забота о существовании – прерогатива экономики и ее денежного механизма, она является главным движущим фактором общественных изменений. Организациям, оказывающим социальную помощь, вменяется в обязанность скорее “диспансерное обслуживание” [44]. Они работают над устранением проблемных случаев, которые постоянно возникают из господствующих структур и способов распределения. Рассуждать об изменении структур, воспроизводящих конкретные формы нужды в помощи – не их дело, да и вообще не дело социальной работы.

Между тем, именно эффективность и надежность организованной помощи приводит в конечном счете к дисфункциональным последствиям. Программирование социальной помощи вытесняет на задний план незапрограммированную помощь. Оказываемая вне программ помощь может даже стать помехой для организованной помощи [45]. Во всяком случае, отсутствие программы будет основанием и оправданием для того, чтобы не оказывать помощь. Исключение составят лишь организации, специализирующиеся на оказании помощи вне программ (возможно, церкви или, как предлагает Шельски [46] – Красный Крест) [47]. Организованная работа по устранению проблемных случаев вытесняет прочие мотивы помощи потому, что она превосходит их в эффективности и возможности регулировать распределение нагрузок. Сложилось мнение, будто каждой проблеме, в которой должна быть оказана помощь, соответствует компетентная инстанция, и тому, кто нуждается в помощи, надо только эту службу найти. Любовь к ближнему принимает форму направления по инстанциям. В этом-то и кроется опасность – ведь не с каждой бедой справишься при помощи организации. Внутреннюю односторонность организации можно исправить в конечном счете лишь политическими средствами – путем большей упорядоченности и адекватности в определении проблем, – но это возможно только в соответствии с организационными структурами и процессами, которые специально будут для этого созданы на других уровнях.

III. Отсутствие регуляции на уровне общества в целом.

Было бы грубым упрощением полагать, будто в современном обществе помощь сводится к одному единственному модусу. Конечно, организация стала доминантной формой уравнивания потребностей. Однако наряду с ней сохранились архаически-симбиотические отношения и морально генерализованные формы помощи [48]. Добровольные услуги и ответные услуги из благодарности не исчезли, равно как и добрые поступки – о них просят и их совершают ради них самих. Устояли даже ритуализированные формы распределения излишков: так, ежегодно перед рождеством в действие своего рода частная система взаимного налогообложения на пользу торговли.

Но бросается в глаза *случайность совместного существования* столь разных форм помощи, и это – свидетельство того, что пока нет структурного решения проблемы помощи на уровне общества в целом. Сегодня в форме помощи решаются проблемы, имеющие значения уже не для всего общества в целом, а лишь для отдельных подсистем общества. Таким образом, единый образец, религиозная или моральная формула стали излишними.

Причины этого следует искать отчасти в развитии самой общественной системы, отчасти экономики. Эпоха региональных обществ закончилась. С тех пор, как благодаря средствам коммуникации все люди стали достижимы друг для друга в том, что касается их структурных ожиданий, существует лишь одно общество – мировое [49]. Очевидно, что структурные проблемы системы такой величины и комплексности уже невозможно понять, пользуясь категорией для такого конкретного типа поведения, как “помощь”. Проблемы “помощи развивающимся странам”, которые необходимо решить в глобальном масштабе, уже не умещаются в эту форму; они требуют планового управления системным развитием, в конечном счете – самой общественной эволюцией, для чего пока нет ни политических, ни организационных, ни научных оснований. Необходимое для мирового общества уравнивание потребностей не поддается рационализации ни в плане взаимности, ни в плане морали в духе *Caritas*, ни в плане правильной интерпретации и реализации программ помощи. С тех пор, как стало ясно, что земля круглая и ресурсы ограничены, напрашивается новое, глобальное, определение старой проблемы помощи, а именно как проблемы распределения.

Между тем в индустриально развитых регионах мирового общества уравнивание потребностей во времени выделилось – вернемся к намеченной ранее мысли – в одну из систем денежной экономики и вытеснило общественно фундированные институты помощи. Деньги – более эффективный функциональный эквивалент помощи и благодарности. Теперь помощь может быть предоставлением денег или компенсацией за недостатки в функционировании специализированной экономической подсистемы – в обоих случаях она закреплена в структурах и процессах, институционализированных сегодня не на уровне общества в целом, а на уровне его подсистемы – экономики.

Из этого не следует делать вывод в духе поверхностной критики культуры, будто личной помощи как социальной форме пришел конец. Конкретная помощь так же возможна и так же имеет смысл, как и раньше, – и сегодня можно взять за руку пожилого человека и помочь ему перейти через улицу с оживленным движением. Вот только пафосу помощи действительно пришел конец. Можно помогать, а можно и не помогать, если у тебя в этот момент другие цели. Общество признает, в том числе нормативно, свободу индивидуального решения [50]. В этом заключаются условия индивидуализации и добровольности оказания помощи, которые без исчезновения общественного нормирования просто бы не могли появиться.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Такая формула упрощает социальные и психологические условия, достаточно сложные в конкретных случаях. См., например: *Altruism and helping behavior*:

- social psychological studies of some antecedents and consequences / Ed. by J. Maucaulay, L. Berkowitz. New York, 1970.
2. Об этом свидетельствуют исследования о неказании помощи при наблюдении за совершением преступления или за людьми, попавшими в бедственное положение. Исследования были вызваны скандальным убийством Китти Джонуэзе, за которым пассивно наблюдали 38 свидетелей. См. *Altruism and helping behavior: social psychological studies of some antecedents and consequences* / Ed. by J. Maucaulay, L. Berkowitz. New York, 1970; *Darley J. M., Latané B.* Bystander intervention in emergencies: diffusion of responsibility // *Journal of personality and social psychology*. 8 (1968). P. 337-383; *Latané B., Darley J. M.* Group inhibition of bystander intervention in emergencies // *Journal of personality and social psychology*. 10 (1968). P. 215-221. *Latané B., Rodin J.* A lady in distress: inhibiting effects of friends and strangers on bystander intervention // *Journal of experimental social psychology*. 5 (1969). P. 189-202. О подобном случае в Германии, который произошел с Ульрихом Наккенем, см. *Kühnert H.* Erfroren am Strassenrand // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 22.01.1971. S. 1.
  3. См. *Durkheim E.* Leçons de sociologie phisique des moeurs et du droit. Paris, 1950. P. 206 ff.; *Davy G.* La foi jurée. Etude sociologique du problème du contrat. La formation du lien contractual. Paris, 1922; *Mauss M.* Manuel d'ethnographie, Paris 1947. P. 149 ff.; *Gernet L.* Les temps dans les formes archaiques du droit // *Journal de psychologie normale et pathologique*. 53 (1956). P. 379-406.
  4. См. *Kaufmann F.-X.* Sicherheit als soziologisches und sozialpolitisches Problem. Stuttgart, 1970. S. 174 ff.
  5. См. *Darley J. M., Latané B.* Norms and normative behavior: field studies of social interdependence // *Altruism and helping behavior: social psychological studies of some antecedents and consequences* / Ed. by J. Maucaulay, L. Berkowitz. New York, 1970. P. 83-101, особенно S. 92 f.
  6. Этнологи называют этот феномен “конвергенцией” найденных независимо друг от друга культурных форм и объясняют его ограниченным количеством возможных решений. В теории органической эволюции этот феномен получил название “эквивинальность”. Теоретические рефлексии на эту тему можно найти у *Campbell D.T.* Variation and selective retention in socio-cultural evolution // *General systems*. 14 (1969). P. 69-85; *Bertalanffy L. von.* Zu einer allgemeinen Systemlehre // *Biologia Generalis* 19 (1949). S. 114-129 (123 ff.). (От этого феномена следует отличать сомнительный тезис о конвергенции целых общественных систем: *Ludz P. Ch.* Konvergenz, Konvergenztheorie. Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft // *Eine vergleichende Enzyklopädie*. Bd. 3. Freiburg, 1969. S. 890-903).
  7. *Claessens D.* Instinkt, Psyche, Geltung. Zur Legitimation menschlichen Verhaltens. Opladen, 1970. S. 122 f. О соответствующих церемониях при контактах, требующих предварительных услуг и доверия, см. *Luhmann N.* Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. Stuttgart, 1973. S. 47 f.
  8. Поэтому следует усомниться в тезисе о том, что взаимность – принцип архаического права См.: *Thurnwald R.* Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen. Bd. V. Berlin, 1934. S. 5, S. 43.; *Malinowski B.* Sitte und Verbrechen bei den Naturvölkern. Wien. S. 26 ff., S. 46 ff.. Применительно к праву как таковому, с особым акцентом на временном моменте, см.: *Schelsky H.* Systemfunktionaler, anthropologischer und personfunktionaler Ansatz in der Rechtssoziologie // *Jahrbuch für Rechtssoziologie und Rechtstheorie* 1 (1970). S. 36-89 (69 ff.).
  9. См. классический пример: *Mauss M.* Die Gabe. Frankfurt, 1968. См. также: *Goodfellow D.W.* Grundzüge der ökonomischen Soziologie. Zürich 1954; *Schott R.* Anfänge der Privat- und Planwirtschaft. Wirtschaftsordnung und Nahrungsverteilung

- bei Wildbeutevölker. Braunschweig, 1956; *Belshaw C. S.* Traditional exchange and modern markets. New York: Englewood Cliffs 1965, особенно S. 46 ff.
10. См. *Lee D.D.* A primitive system of values // *Philosophy of science*. 7 (1940). S. 355-378.
  11. *Eisenstadt Sh. N.* Ritualized Personal relations // *Man* 96 (1956). S. 90-95; *Burridge K.* Friendship in Tangu // *Oceania* 27 (1957). S. 177-189.
  12. См. *Sigrist Ch.* Regulierte Anarchie. Untersuchung zum Fehlen und zur Entstehung politischer Herrschaft in segmentaren Gesellschaften Afrikas. Olten, Freiburg am Breisgau. 1967. S. 176 ff. В современных обществах эта проблема сохраняется в виде трудностей на пути у тех, кто хочет «выбиться в люди». Достаточно вспомнить о том, какая ноша ложится на плечи итальянца, которому семья позволила получить образование.
  13. Так случилось с Дарием. *Геродот*. Истории III. В этой истории особенно примечателен переломный характер ситуации. Архаический этос еще переживается и превозносится во всей его неумеренности – и все-таки он уже воспринимается как нечто проблематичное и чуждое с трезвостью и дистанцированностью Нового времени.
  14. См. на эту тему. обзор (правда, несколько переоценивающий значение великих империй по сравнению с городской культурой): *Eisenstadt Sh.N.* The political systems of empires. New York, 1963.
  15. Таким образом, договор как социальный институт возникает, когда уже нет той близости, при которой взаимность мотивирует саму себя, то есть когда обратимость положений уже не может быть предпосылкой. Договор – абстрактная форма, делающая взаимные услуги независимыми от этой предпосылки и мотивов помощи.
  16. Характеристика Георгом Зиммелем помощи и благодарности как внеправового “дополнения правового порядка” (*Simmel G.* Soziologie. 2. Aufl. München, 1922. S. 443) не верна по отношению к Средневековью, да и сегодня верна лишь отчасти. Старинные правовые системы придавали большое значение договорам, выгодным только одной из сторон. См., например, *Pothier*. Traité des contrats de bienfaisance. 2 Bd. Paris, 1807. Следует учитывать, что повторяемая помощь имеет тенденцию становится правовой нормой и что на помогающем лежит обязанность проявлять заботу. Из сохранившихся ныне отношений подобного рода можно назвать отношения дарения, регулируемые специальным кодексом. См. *Perreau E.H.* Les obligations de conscience deyant Jes tribunaux // *Revue trimestrielle de Droit civil*. 12 (1913). P. 503-561. *Perreau E.H.* Courtoisie, complaisance et usages non obligatoires devant la jurisprudence // *Revue trimestrielle de Droit civil*. 13 (1914), S. 481-522.
  17. Об этом с классической наивностью пишет Спенсер: *Spencer H.* The Principles of Ethics. London, 1893, Vol. II. P. 390 ff.
  18. Один из самых известных примеров – Сенека (*De beneficiis*). Мотив *liberalitas* звучит в поздней христианской традиции несколько приглушенно, однако сомнений в его необходимости, судя по всему, нет. Основанием для помощи бедным служат скорее представления о *Caritas*. На эту тему см. *Ratzinger G.* Geschichte der kirchlichen Armenpflege. Freiburg, 1868; *Uhlborn G.* Die christliche Liebestätigkeit. 2 Aufl. Stuttgart, 1895.
  19. Тот факт, что моральная направленность помощи сверху вниз – искусственный продукт культуры, становится более очевиден, если принять во внимание, что помощь имеет тенденцию к движению снизу вверх, то есть скорее достается тем, кто и без того богат, красив, известен и любим, так как их более высокий статус увеличивает шансы на взаимность. Девушка-дурнушка напрасно роняет платочек. Это подтверждают и социально-психологические исследования: *Dan-*

- iels L.R., Berkowitz L.* Liking and response to dependency relationships // *Human relations*. 16 (1963). P. 141-148; *Pruitt D.G.* Reciprocity and credit building in a laboratory dyad // *Journal of personality and social psychology*. 8 (1968). P. 143-147.
20. Характерно, что в отношении к милостыни наряду с обязанностью любви к ближнему утверждается и правовая обязанность; главный представитель этой позиции – Йоахим Гирз (*Giers J.* *Gerechtigkeit und Liebe. Die Grundpfeiler gesellschaftlicher Ordnung in der Sozialethik des Kardinals Cajetan.* Düsseldorf, 1941. S.76 ff.). Однако такая позиция остается спорной, она лишена разумной меры и неосуществима в судебной практике. В качестве функционального эквивалента возникают налоги (см. далее). Круг этих проблем пересекается в мирском законодательстве с вопросом о бродяжничестве, который сначала решается с точки зрения отправления правосудия, а позднее с точки зрения привлечения рабочей силы. Классическим трудом об этом конфликте ценностей является *Ribton-Turner C.J.* *A history of vagrants and the vagrancy and beggars and begging.* London, 1887 (см., например, p. 67 о законах против подаяния). См. далее: *Chambliss W.J.* *A sociological analysis of the law of vagrancy* // *Social problems*. 12 (1964). P. 67-77. Только в VIII в. утверждается четкое социально-структурное различие между бродягами, нищими, ворами и бедняками и вместе с тем необходимость дифференцированных правовых и организационных мероприятий, например, начало отделения домов для бедных (рабочих домов) от тюрем.
  21. Попытка оценить шансы нуждающихся в помощи предпринята в работе *Shopler J., Bateson N.* *The power of dependence* // *Journal of personality and social psychology*. 2 (1965). P. 247-254.
  22. Это ясно уже *Аристотелю*: “Принимающий доброе деяние, подчиняется его творящему” (Никомахова этика 1124b). То, что в статусных системах заключены скрытые отношения обмена, установлено современным интеракционизмом: признание высшего положения является ответной услугой за услугу, отблагодарить за которую иначе невозможно. См., например: *Thibaut J.W., Kelley H.H.* *The social psychology of groups.* New York, 1959. P. 229 ff.; *Blau P.M.* *Social integration, social rank and processes of interaction* // *Human organization*. 18 (1959/1960). P. 152-157. *Blau P.M.* *Exchange and power in social life.* New York, 1964; *Homans G.C.* *Social behavior. Its elementary forms.* New York, 1961. P.149 ff. Правда, в этой концепции много узких мест: она близка к признанию справедливости статусной дифференциации, но не отвечает на вопрос, почему отношения обмена остаются скрытыми.
  23. Но это еще не говорит о том, что население принимает мораль и притязания на легитимность господствующих слоев, рассматривая их как собственные убеждения. Суть тезиса скорее в том, что для признания социальных позиций необходимы не только моральные, но и другие (хотя и связанные с моралью) мотивы. См. *Spittler G.* *Probleme bei der Durchführung sozialer Normen* // *Jahrbuch für Rechtssoziologie und Rechtstheorie*. 1 (1970). S. 203-225 (214 ff.).
  24. Один из многих примеров: *Howard M.F.* *Lady Lletice Vi-countesse Falkland by John Duncon.* London, 1908.
  25. Луман обращается здесь к изначальному значению понятия “профессия” (*professio*, ср. также: *professus sum*) как “общественной (общественно признанной) деятельности”. – *Прим. пер.*
  26. Разумеется, это еще ничего не говорит о мотивах, которые могут в значительной степени определяться гонораром. Различие между заработной платой, содержанием и гонораром лишь символизирует особый этос помощи, к которому неприложимы масштабы собственных интересов. (Н. Луман пользуется словом “*honoriert*” в его двойном значении – “гонорара” и “воздания чести, признания” (*honus, honoris*). – *Прим. пер.*)

27. Это относится и к старым, и к новым “профессиям”. Поэтому дебаты о распространении профессионализма являются дискуссиями о сравнительном престиже различных профессий. См. *Wilensky H.L.* The Professionalization of Everyone? // *American journal of sociology.* 70 (1964). P. 137-158; *Ben-David J.* professions in the class system of the present-day-societies // *Current sociology.* 12 (1963/1964). P. 247-330; *Mok A.L.* Alte und neue Professionen // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie.* 21 (1969). S. 770-781.
28. Подробнее об этом см. *Luhmann N.* Wirtschaft als soziales System // *Luhmann N.* Soziologische Aufklärung I, Opladen 1974, S.204-231.
29. Критическое отношение к неразборчивому подаению складывается во времена Реформации и становится господствующим мнением в эпоху Просвещения. Георг Зиммель говорит о “месте подаения за чисто субъективистский мотив, учитывающий только дающего, но не принимающего” и указывает на его последствия: распространение попрошайничества, бессмысленное растрачивание поданного, деморализация беднейших слоев (*Simmel G.* Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. München, 1922. S. 348). Ответ на подобные упреки см. *Foerstl J.N.* Das Almosen. Paderborn, 1909. S. 20 ff. Во всяком случае не характерный, не согласующийся с потребностями мотив “liberalitas” или “générosité” относится скорее к рыцарским романам. В качестве примера можно привести герцога Букингемского: он нарочно плохо укреплял на своих одеяниях жемчужины, чтобы облагодетельствовать тех, кто их найдет: *De la Curne de Sainte-Palaye.* Mémoires sur l’ancienne chevalerie. Paris, 1759-1781. Bd. I, S. 99 f.
30. Этот новый эгалитаристский тон ясно выражен в теории нравственного чувства Адама Смита: *Theorie der ethischen Gefühle* (1759), немецкий перевод: Leipzig 1926, особенно Bd. 1, S. 95 ff., 115 ff. Обратите внимание на критику “сумасбродной и расточительной щедрости” высокопоставленных кругов. Столетие спустя *Герберт Спенсер* видит в этом прогресс цивилизованного человечества в направлении к “истинному великодушию в частных поступках”, мотивированных уже не заботой о спасении собственной души, а “чувством братства к тем, кому они помогают”. (*Spencer H.* The Principles of Ethics. Vol.1. London, 1897. P. 387).
31. Типичный тому пример *Lawätz J.D.* über die Sorge des Staats für seine Armen und Hilfsbedürftigen. Altona, 1815. Критика этой тенденции – как либеральная, так и клерикальная – пронизывает всё XIX столетие.
32. См. замечательную работу об этом переломном времени: *Koch L.* Wandlungen der Wohlfahrtspflege im Zeitalter der Aufklärung, Erlangen 1933.
33. Уже в архаических обществах род отказывает в правовой помощи закоренелым преступникам. В более поздних, прежде всего феодальных обществах взаимосвязь защиты и помощи становится принципом обоснования господства.
34. О чрезвычайно важном политическом принципе Средневековья “consilium et auxilium” см. *Brunner O.* Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südostdeutschlands im Mittelalter. Brünn, 1943. S. 308 ff.
35. См. для общего обзора *Peuser D.* Hilfe als soziologisches Phänomen. Diss. Berlin, 1934.
36. См. *Luhmann N.* Gesellschaft // *Luhmann N.* Soziologische Aufklärung I, 4. Aufl. Opladen 1974. S. 137-153; *Luhmann N.* Funktionen und Folgen formaler Organisation. Berlin, 1964.
37. В этом отношении интересны попытки превратить архаические структуры взаимной помощи сразу в организации, предпринимаемые в рамках политики содействия развивающимся странам. См. *Trappe P.* Warum Genossenschaften in Entwicklungsländer. Neuwied, 1966.

38. Об этом см. *Peters H.* Moderne Fürsorge und ihre Legitimation. Eine soziologische Analyse der Sozialarbeit. Köln, 1968; *Peters H.* Das Verhältnis von Wertsystem und Sozialwissenschaften innerhalb der beruflichen Sozialarbeit // *Soziale Welt*. 16 (1965). S. 246-259.
39. *Simmel G.* Soziologie. Eine Untersuchung über die Formen der Vergesellschaftung, München, 1922. S. 358.
40. Как, например, в американской „social casework”. См. типичные свидетельства: *Perlman H.H.* Soziale Einzelhilfe als problemlösender Prozess. dt. übers. Freiburg am Breisgau, 1969; *Biestek F.* Wesen und Grundsätze der helfenden Beziehung in der sozialen Einzelhilfe. dt. übers. Freiburg am Breisgau, 1970.
41. О последствиях подобного схематизирования в литературе по социологии организаций см.: *Thompson V.A.* The regulatory process in OPA rationing. New York, 1950. P. 122 ff.; *Weiner M.G.* Observations on the growth of information-processing centers // *Some theories of organization* / Ed. by Rubinstein A.H., Haberstroh Ch.J. Homewood Ill., 1960, P. 147-156; *March J.G., Simon H.A.* Organizations. New York, 1958. S. 150 ff., 165 ff.; *Zalkind Sh.S., Costello T.W.* Perception. Some recent research and implications for administration // *Administrative science quarterly*. 6 (1962). P. 218-235. По социологии организаций социальной работы см. *Peters H.* Das Verhältnis von Wertsystem und Sozialwissenschaften innerhalb der beruflichen Sozialarbeit // *Soziale Welt*. 16 (1965). S. 246-259. Интересно сравнить замечание *Гегеля* об абстрагировании межчеловеческих отношений сложившейся структурой потребностей общества (Философия права, § 192).
42. Об этом различии см. *Eckhoff T., Jakobsen K.D.* Rationality and responsibility in administrative and judicial decisionmaking. Kopenhagen, 1960; *Luhmann N.* Lob der Routine // *Luhmann N.* Politische Planung. Opladen, 1971. S. 113-142.
43. Добротные эмпирические исследования этого конфликта имеются в параллельной области – полицейской работе, где цели борьбы с преступностью и создания видимости общественного порядка также ограничены условиями правового государства: *Banton M.* The policeman in the community. New York, 1964. P. 6 f., 127 ff.; *Skolnick J.S.* Justice without trial. Law enforcement in democratic society. New York, 1966; *Wilson J.Q.* Varieties of police behavior. The management of law and order in eight communities. Cambridge, Mass., 1968. О переносе этого конфликта на судебные процессы: *Packer H.L.* Two models of the criminal process // *The university of Pennsylvania law review*. 113 (1964). P. 1-68.
44. Такую формулировку по отношению к конституционному “социальному государству” предлагает Дитер Зур: *Suhr D.* Rechtsstaatlichkeit und Sozialstaatlichkeit // *Der Staat*. 9 (1970). S. 67-93 (77).
45. Эмпирические исследования этого вопроса проводились в первую очередь применительно к особому случаю взаимопомощи в работе, когда взаимопомощь, с одной стороны, служит консолидации неформального статуса и неформальных групп, а иногда и разумному уравниванию потребностей, но с другой стороны, нарушает формальные правила и в этом плане приводит к негативным последствиям. См. *Roethlisberger F.J., Dickson W.J.* Management and the worker. Cambridge, Mass., 1939. P. 505 ff., 547 f.; *Jantke K.* Bergmann und Zeche. Tübingen, 1953. S. 72 ff.; *Gross E.* Some functional consequences of primary work controls in formal work organizations // *American sociological review*. 18 (1953). P. 368-373; *Blau P.M.* The dynamics of bureaucracy. Chicago, 1955; *Daheim H.* Die Sozialstruktur eines Burobetriebes. Eine Einzelfallstudie. Diss. Köln, 1957; *Marcson S.* The scientist in american industry. New York, 1960. P. 31 ff.; *Mechanic D.* The sources of power of lower participants in complex organizations // *Administrative science quarterly*. 7 (1962). P. 349-364; *Luhmann N.* Funktionen und Folgen formaler Organisation. Berlin, 1964, S. 334 ff.

46. *Schelsky H.* Freiwillige Hilfe in der bürokratischen Gesellschaft // *Schelsky H.* Auf der Suche nach Wirklichkeit. Gesammelte Aufsätze. Düsseldorf, 1965. S. 294-304.
47. Конечно, в этом случае отсутствие программы может определить специфику программ других организаций, так что подобного рода субсидиарная компетентность не приведет к действиям, вообще лишенным каких бы то ни было программных оснований.
48. То, что такие способы “выживания” сохранились, доказывает, опираясь на имеющиеся источники, *Warnotte D.* Les origines sociologiques de l'obligation contractuelle. Brüssel, 1927. S. 71 ff. Зиммель и Мосс также обращали внимание на непреходящее значение дарения и благодарности (*Simmel G.* Exkurs über Treue und Dankbarkeit // *Soziologie.* 2. Aufl. München, 1922. S. 438 ff.; *Mauss M.* Die Gabe. Frankfurt, 1968). О том, что мотивы помощи могут быть одновременно самыми разными, см. *Danckwerts D.* Organisierte freiwillige Hilfe in der modernen Gesellschaft. Berlin, 1964. S. 47 ff.
49. Об этом не бесспорном применении понятия общества к глобальной социальной системе см. *Luhmann N.* Die Weltgesellschaft. Soziologische Aufklärung II. Opladen, 1975. S. 51-71.
50. В аналогичном смысле и Шельски (*Schelsky H.* Auf der Suche nach Wirklichkeit. Gesammelte Aufsätze. Düsseldorf, 1965. S. 297) указывает на исчезновение словных обязанностей, принуждений и их следствий, что превращает помощь в дело свободного решения.